

«ВЗГЛЯДЫ, КОТОРЫЕ МЫ ПРОПАГАНДИРОВАЛИ, ЧАСТО НЕЛЕПЫ...»

Послевоенная комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) против инакомыслия «солдат партии»

А.Г. Тепляков

Новосибирский государственный
университет экономики
и управления – «НИНХ»,
Новосибирск, Россия

teplyakov-alexey@rambler.ru

В статье анализируется осуществление контроля за политическим поведением коммунистов в послевоенный период со стороны Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б). Моральное сопротивление членов правящей партии политике властей является одним из ярких феноменов советской эпохи. Документы КПК из РГАНИ, большей частью состоящие из решений по апелляциям наказанных коммунистов, позволяют увидеть характерные проявления инакомыслия как рядовых партийцев, так и номенклатурных работников, отрицавших жестокость режима и ограниченность тем, доступных для критики. КПК привлекала к ответственности виновных в нарушении партийной дисциплины и этики, причем проявление инакомыслия и упорство в его отстаивании считалось особенно тяжелым нарушением партийной дисциплины. Показаны многочисленные примеры частого несогласия с официальным положением вещей тех, кто был основой партийного аппарата – номенклатурных работников, старых большевиков, офицеров, чекистов, пропагандистов. За партийным наказанием нередко следовало привлечение к уголовной ответственности. Очевидно, что в условиях террора партийцы старались скрывать свои взгляды. Тем ценнее информация о проявлениях открытого протеста в период позднего сталинизма, когда многочисленные контролирующие структуры особенно тщательно подавляли внутривнутрипартийное инакомыслие.

Ключевые слова: Комиссия партийного контроля, инакомыслие, подавление, силовые структуры, партийный аппарат.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.1-97-106

В системе партийной власти особое место занимал высший контрольный орган – Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), в 1952 г. преобразованная в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Данная структура существовала с 1920 г. как Контрольная комиссия и Центральная контрольная комиссия (ЦКК) РКП(б)–ВКП(б), а в 1934–1952 гг. как Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б). Она являлась необходимой в системе партийной власти инстанцией, чьи подразделения имелись при

всех региональных партийных комитетах. Они бдительно следили как за моральным обликом коммунистов, так и за их политическим поведением. Уже в деятельности ЦКК–РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция) во второй половине 1920–х гг. контрольно-карательная функция преобладала над ревизионно-инспекторской. Что касается КПК, то она контролировала выполнение решений партии и ЦК ВКП(б), привлекала к ответственности виновных в нарушении партийной дисциплины и партийной этики [4, 13].

Проявление инакомыслия и упорство в его отстаивании считалось особенно тяжелым нарушением партийной дисциплины.

Случайный и классово выдержанный состав большевистской партии всегда содержал столько неподходящих и прямо криминальных персонажей, что необходимость существования особой и полномочной контрольной структуры не оспаривалась в течение всего времени существования КПСС. Внутренние по объему архивы областных, краевых, губернских, окружных, городских и районных комиссий хранят уникальный материал о качественном составе правящей партии. Документы этого высшего контрольного синклита, хранящиеся в РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории), обширны, но до сих пор недостаточно введены в научный оборот. Между тем фонд КПК содержит огромное количество ценной информации, в том числе и той, которая касается морального сопротивления партийцев политике властей. В данной работе нам хочется показать многочисленные примеры частого несогласия с официальным положением вещей тех, кто был основой партийного аппарата – номенклатурных работников, старых большевиков, офицеров, чекистов, пропагандистов¹. Очевидно, что в условиях террора партийцы старались скрывать свои взгляды. Тем ценнее информация о проявлениях открытого протеста.

¹ Ранее нами были опубликованы работы, касавшиеся инакомыслия в среде партийной журналистики в масштабах Сибири и СССР в целом: *Тепляков А.Г.* Журналисты и власть Западной Сибири в 1930-е годы: конформизм и сопротивление // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 6: Журналистика. С. 30–35; *Тепляков А.Г.* Нонконформизм среди конформистов: модели поведения в советской журналистике 1920–1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 82–88.

Партийная власть выработала сложные ритуалы наказания и покаяния за инакомыслие, причем в них сочетались крайняя суровость к упорствующим и возможность более легкого наказания для раскаявшихся. Однако при восстановлении в правах члена партии, особенно если речь шла об исторических фигурах, инакомыслие даже 25-летней давности было труднопреодолимым препятствием. Относительно подобных лиц, вероятно, существовало распоряжение Сталина не восстанавливать их в ВКП(б). Вождь лично решал подобные вопросы, как, например, с реабилитацией оппозиционера С.И. Кавтарадзе, бывшего председателя Совнаркома Грузии, который после тюремного заключения в 1936–1939 гг. смог вернуться в номенклатуру и занять пост заместителя НКВД СССР.

После войны, как известно, мобилизационные практики сталинского государства усилились, что обусловило крайнюю жесткость ко всем, включая и носителей власти. Продемонстрировать непримиримость к инакомыслию можно на примере считанных видных оппозиционеров, уцелевших от террора, освободившихся из лагерей во второй половине 1940-х гг. и сразу попытавшихся добиться восстановления в ВКП(б). Министр госбезопасности В.С. Абакумов в 1948 г. инициировал широкое возобновление репрессий против лиц, связанных с оппозицией и «антисоветскими партиями» [12, с. 654, 655]. Поэтому ветеранам из оппозиции в лице М.М. Харитоновой (бывшего начальника Особого отдела ВЧК 7-й армии, члена ЦК РКП(б) и заместителя торгпреда СССР в Великобритании) и Ольги Равич (бывшего члена ЦКК партии) не суждено было увидеть возделенной красной книжицы. Харитоновой в начале 1948 г. снова осудили, и он вскоре

погиб в лагере, а Равич пережила еще один арест (в 72 года) и в 1957 г. окончила свои дни в ссылке, в сельском доме инвалидов [6, д. 1200, л. 30; 7, д. 99, л. 15].

«Родственные» вины также, несмотря на давность, могли сохранять значение. В 1948 г. был наказан исключением из партии Г.М. Колмаков – бывший секретарь по кадрам Мариинского РК ВКП(б) Кемеровской области – его отец и два дяди участвовали в «банде» действовавшего в Восточной Сибири известного и популярного среди населения повстанческого лидера Пимпцикова, причем отец вступил в нее в 1927 г. и был осужден в 1929 г. [6, д. 1393, л. 132].

Яркий пример – эпизод с разбором политических обвинений против видного номенклатурного работника, члена партии с 1898 г. Е.Д. Стасовой, которую в свое время Л.Б. Красин характеризовал как «кровожадную ведьмистую бабу с характером, сочувствующую расстрелам и всякой гнусности...» [8, с. 176]. Елена Стасова в 1938–1943 гг. редактировала журнал «Интернациональная литература», а с 1946 г., будучи на пенсии, являлась консультантом Института Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина при ЦК ВКП(б) и продолжала выступать с докладами и воспоминаниями. Старую большевичку 8 апреля 1948 г. вызвали в КПК, и контролер Виноградов сделал доклад о ее недопустимых высказываниях, шокировавших верноподанных и идеологически подкованных партийных и беспартийных украинских «письмэнников», судивших об исторических личностях исключительно по «Краткому курсу истории ВКП(б)». «На основании проверки поступивших в ЦК ВКП(б) заявлений ряда членов партии считать установленным, что т. Стасова Е.Д., будучи приглашена в июле 1947 г. на собрание работников печати при редакции журнала “Радянська Украина”, от-

вечая на заданные ей вопросы, связанные с воспоминаниями о В.И. Ленине, сделала заявление, в котором восхваляла врага народа Бухарина, клеветнически изображая отношение к нему Ленина.

За политически вредные, искажающие историю нашей партии антипартийные высказывания объявить т. Стасовой Е.Д. строгий выговор с занесением в учетную карточку и предупредить ее, что она обязана из обсуждения этого дела в Комиссии Партийного Контроля сделать надлежащие выводы в своем дальнейшем поведении» [6, д. 1328, л. 5].

Последние слова весьма напоминают бюрократически-жесткий стиль резолюций Сталина. Вполне возможно, что мера наказания провинившейся 74-летней партдамы была предварительно согласована с вождем народов. Однако для атмосферы 1947 г. характерно и то, что в Киеве нашлись любопытные литераторы, поинтересовавшиеся у легендарной большевички такими деталями, которые вызвали желание у суровой и «проваренной в чистках» Стасовой публично ответить неортодоксальным образом. Восхваление Бухарина обнаружилось в засекреченном «Письме к съезду», где Ленин дал высокую оценку «любимцу всей партии». И об этом письме, активно обсуждавшемся в партийных кругах двумя десятилетиями раньше, многие помнили. В КПК фактический выпад ветерана партии против «Краткого курса» расценили как очень серьезный проступок. Строгий выговор с занесением в учетную карточку считался суровым взысканием. Интересно, апеллировала ли Стасова о снятии взыскания в послесталинскую эпоху², в которой

² В просмотренном нами до начала 1955 г. фонде КПК следов апелляции Стасовой не обнаружено.

прожила 13 лет, дождавшись официальной публикации ленинских слов о «любимце всей партии», которые, однако, так и не повлекли тогда юридической и политической реабилитации Бухарина. Сама же Стасова, несмотря на взыскание, смогла продолжить работу над своими воспоминаниями о Ленине и редактуру сочинений В.В. Стасова. В январе 1956 г. 82-летняя большевичка в составе советской делегации выезжала в Берлин на юбилейные торжества в связи с 80-летием В. Пика [3, с. 87–100], это говорит об отсутствии к ней каких-либо идеологических претензий.

При этом Юпитеру, разумеется, было позволено не оглядываться на железобетонные указания в высокопартийных томах. Из мемуаров Н.С. Хрущёва известно, что Сталин в послевоенные годы вгонял в дрожь соратников, упоминая в совершенно нейтральном контексте расстрелянных по его указанию прежних вождей вроде Л.Б. Каменева, чьи имена буквально застревали в горле даже у самых высокопоставленных коммунистов.

Чекисты, призванные быть образцом бдительности, на деле постоянно попадались в сети КПК из-за острых высказываний. Вызывает интерес дело рядового дальневосточного чекиста О.М. Гомулина, пострадавшего за любовь к Михаилу Зощенко. Олег Гомулин, 28-летний член компартии с 1942 г., обладатель среднего образования, с 1944 по февраль 1947 г. работал оперуполномоченным управления НКГБ–МГБ по Амурской области. В декабре 1946 г. Гомулина исключили из партии за то, что 26 сентября 1946 г. он, будучи нетрезвым, при обсуждении в управлении МГБ доклада А.А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» не согласился с грубой руганью в адрес М.М. Зощенко: «Зо-

щенко – ценный писатель, и я его отстаивал и буду отстаивать. Пусть мне за это приписывают правый или левый уклон, но я всегда скажу, что Зощенко прав. К тому же Зощенко не одинок, его уважает молодежь и она его всегда поддержит».

В последнем утверждении подвыпивший чекист не ошибался. Георгий Владимов в разгар травли писателя посетил Зощенко вместе с друзьями и выразил ему свою поддержку, описав этот случай в мемуарах [1]. Для чекистских нравов характерно, что присутствовавшие при разговоре коллеги сочли необходимым донести о мнении Гомулина по литературному вопросу в партийные инстанции. Тот в своем объяснении уверял, что идеологически согрешил по причине опьянения, и объяснил, почему вступился за опального прозаика: «Я встал на защиту творчества Зощенко, заявляя, что нельзя писать только о строительстве и колхозах...» После исключения из ВКП(б) чекист зашел и вскоре был уволен. В 1948 г. КПК при ЦК ВКП(б) подтвердила исключение Гомулина из партии – за пьянство. Зощенко был к тому времени «разрешен к существованию», и выступление в его защиту решили не выпячивать [6, д. 1353, л. 120, 120 об.]. Так пьянство замаскировало очередное проявление инакомыслия, причем в крайне консервативной чекистской среде.

За рубежом сотрудники госбезопасности были более раскованными, однако плотность осведомительной сети делала многие их слова достоянием бдительных коллег. Одним из немаловажных аспектов деятельности НКГБ–МГБ было руководство процессом репатриации. В июне–сентябре 1945 г. в Лондоне помощником уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан работал 30-лет-

ний чекист Л.Л. Ключарев, затем служивший в 6-м отделе 2-го (контрразведывательного) управления МГБ СССР. В августе 1945 г., будучи на пляже в Гайд-парке, Ключарев сказал собеседникам-полякам, что «все эти лагеря, аресты и убийства – дело большевиков и коммунистов, и что он только солдат и его это не интересует» [6, д. 1094, л. 10, 86]. При разборе доноса он отрицал такую фразу, утверждая, что говорил иначе. КПК в августе 1946 г. вынесла Ключареву выговор «за недостойное поведение за границей».

Сотрудник МГБ СССР Э.Я. Конза, 1903 г. р., эстонец с высшим образованием, член партии с 1926 г., в 1945–1946 гг. был помощником представителя уполномоченного Совмина СССР в Швеции по репатриации советских граждан. В январе 1947 г. он был исключен из партии за нелояльные поступки: встречался с «подозрительными людьми», утверждал, что им надо больше доверять, и «допускал антипартийные высказывания о порядках в СССР». Конза отделался легко: был уволен в 1946 г. из МГБ и затем работал преподавателем основ марксизма-ленинизма в Эстонском театральном институте [6, д. 1157, л. 17, 116].

Среди тех, кого беспощадные контролеры КПК относили к партийным диссидентам, были личности разного сорта. Нередко ради демонстрации повышенной бдительности политические обвинения вчинялись и откровенным жуликам. Так, сотрудник МГБ СССР Я.А. Хайкин попался на служебных преступлениях, но среди обвинений фигурировал и вывоз из-за границы вырезок из эмигрантских газет, включая карикатуры на партийных вождей [11, с. 255; 6, д. 1281, л. 54].

Преследовалось в партийном и уголовном порядке и сексуальное «инакомыслие».

За нетрадиционную ориентацию, например, были жестоко наказаны видные чиновники МГБ Грузии. Хотя добровольный гомосексуализм не относился к тяжким преступлениям, чекисты получили большие лагерные сроки. Парторг НКГБ–МГБ Грузии Н.М. Микава в 1948 г. был осужден на восемь лет ИТЛ, как гласили не очень грамотные документы КПК, за «пассивное мужеловство». Пять лет от военного трибунала за просто «мужеловство» получил в сентябре 1948 г. замначальника одного из отделов МГБ Грузии армянин С.В. Елигаров, срок которому вскоре сократили наполовину, а затем назначили за «мужеловство» условное наказание, оставив досиживать за разглашение некоей государственной тайны. Замначальника контрразведывательного отдела МГБ А.С. Меликов тогда же был ненадолго исключен из партии за несообщение о недостойном поведении Микавы, поцелуи которого он «отнес за счет проявления товарищеских и дружеских чувств» [6, д. 1442, л. 75; д. 1483, л. 187].

Важной частью работы КПК был контроль за поведением военнослужащих. Массовые и безнаказанные преступления солдат и командиров Советской армии на территории Восточной и Центральной Европы возмутили многих офицеров. Известна драматическая судьба политработника майора А.З. Копелева, получившего 10 лет заключения за «клевету» на Советскую армию. КПК затем последовательно подтверждал правильность суровых партийных взысканий в адрес друзей Копелева, заступавшихся за него, и трибунальского работника, первоначально прекратившего дело. А среди ходатаев были и ответственные лица: например, Б.Л. Сучков – заместитель заведующего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), А.И. Хавен-

сон – когда-то председатель спецколлегии Верховного суда РСФСР, а после войны руководитель Московской коллегии адвокатов. В 1947 г. Сучков был арестован как американский шпион и в июне 1953 г., когда он, будущий член-корреспондент АН СССР и светило советского литературоведения, еще отбывал срок, КПК осудительно отмечал, что Сучков в 1946 г. «ходатайствовал перед военной прокуратурой об освобождении своего друга троцкиста Копелева» [7, д. 162, л. 156; д. 450, л. 159].

Документы Комиссии партийного контроля свидетельствуют, что Копелев не был одинок в своем отчаянном протесте. В 1945 г. замполит артиллерийского дивизиона П.Я. Епишев написал в ЦК партии большое письмо с резкой критикой как предвоенной политики, так и поведения советских военных в странах Восточной Европы: «...Некоторые наши бойцы, сержанты и офицеры, в том числе коммунисты, изнасиловали девушек и женщин больше, чем немецкие садисты [в СССР]». Епишев утверждал, что советские бойцы разграбили и сожгли словацкий г. Левиче в Венгрии, а также ряд других городов. За эту откровенность П.Я. Епишев в апреле 1945 г. был исключен из партии [9, с. 547; 6, д. 1043, л. 2–6]. Сталин не относился серьезно к военным бесчинствам, о чем дал понять видному югославскому коммунисту М. Джиласу, заявив, что массовые изнасилования и убийства сербских девушек, а также грабежи, на которые жаловались югославы, – это результат безобидного желания советских солдат «развлечься». При этом Сталин и его окружение возмущались не поведением военнослужащих, а тем, что югославские товарищи осмелились «клеветать» на моральный облик своих освободителей [2, с. 111].

Партийный контроль строго следил за тем, чтобы острые темы минувшей войны не обсуждались даже в закрытом порядке. Например, была запрещена критика известной Харьковской катастрофы 1942 г. Начальник особого отдела НКВД 270-й стрелковой дивизии И.Ф. Лукачев в мае 1942 г. под Харьковом попал в плен, в мае 1945 г. был освобожден союзниками из немецкого концлагеря в Норвегии и репатрирован. Ему пришлось давать объяснения об обстоятельствах пленения, которые были сочтены бросающими тень на крупных военных начальников. В мае 1946 г. бывший чекист был исключен из партии с формулировкой «как не оправдавший доверия» в связи с тем, что в заявлении, адресованном в партийную комиссию Главпура Вооруженных Сил СССР, он «сделал непартийные выводы о руководстве боевыми операциями командованием Юго-Западного фронта». Годом позднее КПК утвердила исключение Лукачева [6, д. 1263, л. 38].

Будущий узник ГУЛАГа и известный философ Григорий Соломонович Померанц (1918–2013), член компартии с 1943 г., служил во фронтовой печати с 1941 по 1946 г., пройдя всю войну. Известно, что демобилизация из Советской армии после окончания Второй мировой войны шла не быстро. О том, каким образом он покинул ряды вооруженных сил СССР, Померанц в своих мемуарах [5] подробно не упоминал. Между тем его заявления свободного человека, требовавшего уважения к личности, характерны для победителей, чувствовавших себя вправе задавать вопросы государству. Служивший литературным сотрудником редакции газеты 61-й стрелковой дивизии, он был 6 сентября 1946 г. исключен из ВКП(б) партийной комиссией при политуправлении Белорусского военного

округа за написание «ряда документов антипартийного содержания», резко критиковавших примитивизм послевоенной армейской печати.

Так, в заявлении на имя начальника Главпура вооруженных сил СССР журналист писал следующее: «Я решительно настаиваю на демобилизации и имею достаточно веские мотивы. Не буду говорить, что по состоянию здоровья являясь по ранению годным, что я ни одного дня не учился ни в одной военной школе. Но я по квалификации являюсь научным работником в области литературы... и как меня ни корми, все равно буду в лес глядеть. <...> Я убежден, что дивизионная газета в мирное время – красивая ненужность, что взгляды, которые мы пропагандировали, часто нелепы и всегда крайне примитивны. <...> В нашем гарнизоне я самый образованный человек, и от привычки к дискуссии и теоретическому спору – я отрицаю почти все то, что принято утверждать в различных вопросах культуры и философии... А умственные школьники с погонами и звездочками на них от общения со мной только теряют веру в разум начальства. Словом, не находя себе умственной пищи, – я грызу стойло. Согласитесь, что со всех точек зрения меня надо поскорее демобилизовать.

<...> Чего мне еще ждать? С общегосударственной точки зрения не имеет никакого смысла удерживать меня в армии... Обозленный на бюрократизм в политических органах, я приношу больше вреда, чем пользы».

Комиссия Партийного контроля при ЦК ВКП(б) отметила, что в заявлении на имя начальника политуправления Белорусского военного округа Померанц «также допустил антипартийные высказывания», восхвалял жизнь и бытовые условия в фашист-

ской Германии, клеветал на офицерский состав и армейские политические органы. Возможно, имелась в виду критика журналистом поведения наших военных на оккупированных территориях. После исключения из партии и увольнения из армии будущий философ пытался восстановиться в ВКП(б), но партийная комиссия Главпура ВС СССР 28 января 1947 г. отвергла его апелляцию. Последняя инстанция в лице КПК (выше был только съезд партии) вызвала Померанца на рассмотрение дела, ознакомилась с его крамольными заявлениями и 2 июля 1947 г. отказалась принять покаяние бывшего коммуниста: «В своей апелляции в КПК при ЦК ВКП(б) Померанц признает, что он написал несколько заявлений, по тону и содержанию недопустимых для члена партии. Объясняет это тем, что его не демобилизовывали из армии. Просит учесть его пребывание на фронте, где был два раза ранен, награжден орденами “Отечественная война II степени” и “Красная Звезда”». Однако исключение из партии было в КПК подтверждено [6, Д. 1249, л. 30].

В январе 1948 г. по новой апелляции Померанца, работавшего тогда агентом по закупке и рассылке литературы в «Союзэнерго-монтаже», КПК снова рассмотрела его дело. На этот раз цитировался еще один фрагмент из его заявления в Главпур вооруженных сил: «Мне уже скоро 30 лет – это возраст умственной зрелости и я прихожу к нему без единственной работы, о которой можно было бы сказать: это я сделал. Наверное, великого я ничего не создам, но что-то новое, хоть и не бог весть какое и мне предстоит сказать в науке. Я это чувствую и это душит меня, не дает спокойно писать заметку о том, что в Ленинском уголке №[-ской] части обращают (или не

обращают) внимания на наглядную агитацию. Я делаю это с отвращением, с ненавистью, словно себя наказываю. Делаю как можно меньше, но даже после этого немного чувствую себя разбитым, словно камни ворочал». Помимо ранения и упоминавшихся выше наград для характеристики бывшего офицера были названы его медали: «За оборону Сталинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и «За боевые заслуги». Но приговор партийных контролеров был прежним – исключение подтвердить, дело сдать в архив [6, д. 1320, л. 16]. Дальше Померанцем занимались уже органы МГБ, которые сфабриковали на него дело об анти-советской агитации и в 1949 г. отправили за решетку.

Борясь за культ Сталина, контролеры КПК отслеживали и важные корректорские опечатки, и неудачные снимки вождя, сделанные, конечно, без злого умысла. В 1947 г. выходящая в г. Сталинске Кемеровской области газета «Большевицкая сталь» в сообщении «о приеме товарищем Сталиным польского посла» напечатала про «прием польского осли» [6, д. 1260, л. 57 об.]. Характерно взыскание корреспонденту газеты за неудачный фотопортрет Сталина в ходе выборной кампании и скандал с фотомонтажом, замеченным зарубежной прессой, что стало нечаянным ударом по пропаганде образа вождя народов [7, д. 125, л. 29]. Известная же кампания по борьбе с космополитизмом привела к гротескным обвинениям в отношении некоторых номенклатурных лиц. Одного из дипломатов строго наказали за именование славянских женщин «толстопятыми» и разговоры о пользе публичных домов «для профилактики вензаболеваний» [10, с. 35–36; 6, д. 1258, л. 21, 22].

Таким образом, КПК при ЦК ВКП(б) эпохи позднего сталинизма следовала правилам, выработанным в предшествовавшие времена, и продолжала строго контролировать партийно-государственный аппарат, коммунистическую интеллигенцию, войска и спецслужбы. КПК, опираясь в немалой степени на информацию НКГБ–МГБ. Комиссия откликалась на все идеологические и хозяйственно-политические кампании правящей верхушки, а в отношении заметных личностей следовала указаниям верхов, проявляя особенную бдительность в отношении высказываний относительно Сталина и других вождей. Очень активным было вмешательство в деятельность силовых структур и спецслужб, что отражало точку зрения Сталина на необходимость контроля и периодических чисток в среде военных и чекистов. Документы партийного контроля доказывают и частые проявления открытого инкомыслия в стержневых партийно-государственных структурах, и принципиальную борьбу с ними со стороны правящего режима.

Литература

1. *Владимов Г.Н.* Долог путь до Типперэри. – М.: Вагриус, 2005. – 320 с.
2. *Джилас М.* Беседы со Сталиным. – М.: Центрполиграф, 2002. – 221 с.
3. *Пибак А.* Хранительница традиций партии (Е.Д. Стасова) // Женщины в русской революции. – М.: Политиздат, 1982. – С. 87–100.
4. *Николюрова Т.Н.* Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) // Российская история. – 2015. – № 6. – С. 26–40.
5. *Померанц Г.С.* Записки гадкого утенка. – М.: Московский рабочий, 1998. – 399 с.
6. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 6. – Оп. 2.
7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 6. – Оп. 3.

8. Соломон (Исцук) Г.А. Среди красных вождей. – М.: Современник, 1995. – 509 с.

9. Тепляков А.Г. Война и государственное насилие: демографический аспект // Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление: материалы международной научно-практической конференции. – Усть-Каменогорск, 2015. – С. 537–548.

10. Тепляков А.Г. Опростоволосились: архивные байки // Родина. – 2004. – № 11. – С. 35–36.

11. Тепляков А.Г. Советские дипломаты и разведчики на randevу с границей, 1945–1953 гг. // Советское государство и общество

в период позднего сталинизма, 1945–1953 гг.: материалы VII международной научной конференции, Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 255.

12. Хаустов В.Н. Холодная война и усиление репрессивной политики // Советское государство и общество в период позднего сталинизма, 1945–1953 гг.: материалы VII международной научной конференции, Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 651–659.

13. Юдин К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идейно-институциональный облик. – Иваново: [б. и.], 2015. – 295 с.

“VIEWS WHICH WE PROPAGANDIZED ARE OFTEN RIDICULOUS...”

The post-war Commission of Party Control at the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) against dissent of “soldiers of the Communist party”

A. G. Teplyakov

Novosibirsk State University
of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation

teplyakov-alexey@rambler.ru

The article analyzes the implementation of the control by the Party Control Commission of the Central Committee of the CPSU(b) over the political behavior of the Communists in the postwar period. The moral resistance of the members of the ruling party to the authorities' policy is one of the brightest phenomena of the Soviet era. Documents of the Party Control Commission mostly consist of decisions on appeals of the punished Communists, which allow us to see the characteristic manifestations of dissent from both ordinary party members and the officials. These people denied the brutality of the regime and the limitation of themes available for criticizing. The PCC (the Party Control Commission) brought to justice those responsible for violations of party discipline and ethics. The dissent and perseverance in defending their views were considered to be particularly serious violations of party discipline. The article shows numerous examples of frequent disagreements with the official policy of the backbone of the Communist party: the officials, the old Bolsheviks, army officers, security officers, propagandists. The party punishment was often followed by the charge of a crime. It is obvious that in conditions of terror, the party members tried to hide their views. That's why the information about different forms of open protest during the period of late Stalinism becomes more valuable, when the numerous controlling structures carefully suppressed intra-party dissent.

Keywords: Commission of party control, dissent, oppression, power structures, the party apparatus.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.1-97-106

References

1. Vladimov G.N. *Dolog put' do Tippereri* [Long way to Tipperary]. Moscow, Vagrius Publ., 2005. 320 p.
2. Djilas M. *Conversations with Stalin*. New York, Harcourt, Brace & World, 1962 (Russ. ed.: Dzhilas M. *Besedy so Stalinym*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2002. 221 p.).
3. Isbakh A. Khranitel'nitsa traditsii partii (E.D. Stasova) [Keeper of the Party traditions (E.D. Stasova)]. *Zhenshchiny v russkoi revolyutsii* [Women in the Russian revolution]. Moscow, Politizdat Publ., 1982, pp. 87–100.
4. Nikonorova T.N. Komissiya partiinogo kontrolya pri TsK VKP(b) (1934–1952 gg.) [The party control commission of the Central Committee of the CPSU 1934–1952]. *Rossiiskaya istoriya – Russian history*, 2015, no. 6, pp. 26–40.
5. Pomerants G.S. *Zapiski gadkogo utenka* [Notes of the ugly duckling]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1998. 399 p.
6. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI)* [Russian State Archive of Contemporary History]. F. 6. Inv. 2.
7. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI)* [Russian State Archive of Contemporary History]. F. 6. Inv. 3.
8. Solomon (Isetskii) G.A. *Sredi krasnykh vozhdei* [Among the red leaders]. Moscow, Sovremennik Publ., 1995. 509 p.
9. Teplyakov A.G. [The war and state violence: demographic aspect]. *Velikaya Otechestvennaya voina: istoriya, metodologiya, sovremennoe osmyslenie: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Great Patriotic War: history, methodology, modern accents: proceedings of the international scientific-practical conference]. Ust'-Kamenogorsk, 2015, pp. 537–548.
10. Teplyakov A.G. *Oprostovolisis': arkhivnye baiki* [Goof: archival stories]. *Rodina*, 2004, no. 11, pp. 35–36.
11. Teplyakov A.G. [Soviet diplomats and spies on a rendezvous with foreign countries, 1945–1953 gg.]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma, 1945–1953 gg.: materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Soviet state and society in the late Stalinism. 1945–1953: proceedings of the VII International scientific conference], Tver', 4–6 December 2014. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015, p. 255.
12. Khaustov V.N. [The Cold War and the strengthening of repressive policies]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma, 1945–1953 gg.: materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Soviet state and society in the late Stalinism. 1945–1953: proceedings of the VII International scientific conference], Tver', 4–6 December 2014. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015, pp. 651–659.
13. Yudin K.A. *Vnutripartiinyi kontrol' v SSSR 1930 – nachala 1940-kh gg.: ideino-institutsional'nyi oblik* [Inner-control in the USSR 1930 – early 1940-ies: ideological and institutional image]. Ivanovo, 2015. 295 p.